

Космонавт

Командир приказал устранить повреждение, и Юрий сразу же принялся открывать входной люк. Быстро проверив оборудование, космонавт несколько раз глубоко вздохнул и, убедившись, что приборы действуют исправно, одним рывком начал свой полёт навстречу бесформенному межзвёздному пространству. Яркий свет огромных фар, унизывающих космический корабль по всей длине, разряжал ту холодную атмосферу пустоты, наполняя жизнью отголоски так никогда и не изданных звуков. То была его пятая экспедиция и вряд ли такой шанс ещё когда-нибудь представился бы. В свои пятьдесят один год он совсем ещё не чувствовал себя стариком, да к тому же заслуженная известность гарантировала ему безбедное будущее при Агентстве, и всё же с некоторых пор какое-то необъяснимое беспокойство закрадывалось в голову.

Решительно оттолкнувшись, в невесомости доплыл он до регулятора температуры. Уже много раз ему приходилось плавать по этому молчаливому, безбрежному океану, но на этот раз всё представлялось совершенно иным. Привычное напряжение постепенно сменялось всё более укореняющимся приятным ощущением покоя.

* Лёгким жестом подхватив ключ, что висел в воздухе вдоль крепительного шнура, он вставил его в соответствующую скважину. Глухой грохот сцеплений растворился в недрах

галактики и мало-помалу стыковочный шпангоут сдвинулся, открывая поразительное множество проводков. То были тонкие нити, закрученные по напечатанной схеме и формирующие собой цепь хитроумной сборки, сложность которой уже давно не вселяла в него страха. Пару раз попробовав, он внимательно осмотрел процессор, поверхность которого казалась матовой. Русский космонавт улыбнулся и, готовясь проинформировать внутренний состав, обернулся, чтобы окинуть взглядом небесный свод. Ничего нового он не замечал, и всё же ему показалось, что откуда-то доносится неопределённый звук.

«Так что там у тебя?» резко гаркнул голос по радио.

«Командир, мне никак не удаётся обнаружить поломку.»

«Торопись, у нас остаётся мало времени» заключил голос, прервав коммуникацию.

Странная усмешка исказила лицо космонавта и его взор снова устремился в бескрайнюю даль. Эти немые просторы внушали уважение. Вдруг ему ещё раз послышалось эхо, таинственный голос, который, казалось, отскакивал от тёмных безвременных просторов, и, поражённый, он окинул взглядом бесконечные плоскости, опережая их полётом мысли. А что могло бы произойти, если бы он сам туда направился? Этот не дающий покоя вопрос, наконец вырвавшись наружу, очаровывал, точно пение русалок. Но спустя одно лишь мгновение реальность воцарила снова. И что это за чепуха приходит в голову? Он быстро сконцентрировал зрение на процессоре, однако звук задрезжал снова. На этот раз он доносился отчетливее, и появилась возможность различить отдельные тона. То была нежная музыка, заполняющая покоем сердце. Ему вдруг захотелось проследить за ней, отдаться без остатка во власть звёздного простора. Погружённый в молчание, он подался вперёд, натягивая при этом крепительный шнур до упора. Затем рассерженно оглянулся и, в самом настоящем припадке безумия, вдруг отстегнулся, всплывая навстречу пустоте.

«Какого чёрта?» закричал командир, не веря своим глазам. «Владимир, объедини два кабеля и следуй за ним!», снова послышался крик по радио.

Проверив оснастку скафандра, навигатор вышел из люка и решительно двинулся навстречу товарищу. С тяжёлым сердцем увидел он, как космический корабль отдалялся в нарастающей тишине.

«Ты его обнаружил?» спросил, нервничая, командир.

«Пока ещё нет.»

«Проклятие!»

«Полковник, я его вижу,» вдруг закричал тот ошеломлённо, в то время как силуэт товарища выделялся всё отчётливее.

«Приближайся, но будь осторожен.»

«Товарищ Юрий», прошептал навигатор, придвигаясь вплотную. Космонавт посмотрел на него отрешённо.

«Владимир, что происходит?» спросил командир.

«Не знаю. Он вне себя.»

«Немедленно прикрепи его к тросу и возвращайся на базу.»

«Юрий, всё хорошо» продолжал тот, слегка поддерживая товарища. «Я здесь, с тобой.»

«Направляю вас внутрь» отчеканил командир с облегчением в голосе. Расстояние до космического корабля начало постепенно укорачиваться, и Юрий с прежним равнодушием за всем наблюдал. Какую-то пару минут он послушно следовал за товарищем, но вот, достигнув входного люка, неожиданно вытаращил глаза.

«И какого чёрта ты тут делаешь?» рявкнул он, свирепо зыркнув глазами.

«Спокойно, Юрий, всё уже позади.»

Взгляд космонавта устремился в бескрайнее пространство и, сморщившись, сильным рывком ему удалось освободиться. Ничуть не растерявшись, Владимир подхватил его снова, и как раз в тот момент командир показался перед ними, загораживая

собой путь. Привязанный к тросу, русский отчаянно закричал, и, сердито набросившись на начальника, опрокинул того на пол. Тогда навигатор инстинктивно попытался закрыть люк, но тут обхватив его за плечи, русский плашмя повалил его на пол.

«Юриий!» прокричал потрясённый командир.

«Земля вызывает Мир, земля вызывает Мир...» слышалось по радио в тот самый момент, как русский бросился в пространство.

«Земля вызывает Мир, земля вызывает Мир: отвечайте.»

«Мир вызывает землю» ответил ещё не пришедший в себя командир.

«Наконец-то,» продолжал голос по радио. «Что происходит?»

«Один человек ранен, а второго надо спасать. Прошу разрешить мне задействовать ракету-носитель и совершить попытку спасения.»

«Ответ отрицательный. неполадки не были устранены.»

«Мне было бы достаточно всего нескольких минут...»

«Есть большой риск подорвать экспедицию.»

«Не могу же я покинуть человека за бортом!»

«Полковник, это вопрос совсем не личного характера.»

«Командование поручено мне, и я отвечаю за сохранность экипажа» отрезал тот, прерывая коммуникацию. Он направился к космическому аппарату и, после необходимого контрольного осмотра, нажал на пусковые клавиши. Сильный грохот потряс ракету, резко забрасывая её в пространство. В считанные секунды командир настиг Юрия в его безумном парении. Космонавт посмотрел на него, беспомощно разводя руками. Пересилив сомнение, офицер приоткрыл небольшой входной люк, тем самым предоставляя товарищу возможность войти.

«Командир, отвезите меня на станцию», воскликнул тот, снимая скафандр.

«Юрий, ты рехнулся?»

«Не знаю, что-то мне нехорошо.» Совершив небольшой поворот, командир осуществил сцепление со станцией где они и

оказались в считанные минуты.

«Теперь тебе нужно отдохнуть» сказал он, приготовив шприц-пистолет для инъекций. Русский едва заметно улыбнулся. Он ещё не совсем пришёл в себя и не отдавал себе отчёта в происходящем. Переутомление давало о себе знать, а та странная музыка так и продолжала прокручиваться в голове.

«Это поможет тебе расслабиться» продолжил командир, поднося иглу. Юрий неспешно протянул руку но, всего за миг до того, как шприц-пистолет коснулся его кожи, он оттолкнул руку начальника, вонзая иглу тому в живот. Коротким рывком ввёл снотворное, и командир повалился набок, всплывая в той аморфной среде, напрочь лишённой сил притяжения.

С прояснившимся взглядом, русский забрался в ракету-носитель и, покинув станцию, оттолкнулся вновь навстречу пустоте. Он был счастлив, что избавился от командира. Говоря по правде, он его просто терпеть не мог. Этот распроклятый грузин всегда и во всём опережал его: в военной академии, на факультете, на курсах специализации, и даже на бесчисленных тренировках. И это казалось ему несправедливым. В конце концов, он же был единственным советским космонавтом с пятью космическими экспедициями за спиной, но Агентство ещё не раз не доверило ему командования. Да и стоило ли вообще возвращаться домой, красоваться в новых показах, если ему не суждено уже больше вернуться в космос? Лучше отдаться во власть музыки, забыться в лёгком полёте против часовой стрелки в поисках таких моментов, каких ещё ни одному другому человеку не доводилось пережить.

Успокоившись, он толкнул генераторы, а затем отключил питание, и вновь воцарилась тишина. Теперь он мог свободно погрузиться в прослушивание мелодии. Неслышанное ощущение покоя разливалось по жилам, под аккомпанемент целого хора духовых инструментов и арф. Вне себя, он глубоко вдохнул, опуская веки и предавшись невероятному чувству свободы,

достигшему своей кульминации. Наконец он мог делать всё, чего только его душа желала.

Никогда в жизни он не был так счастлив, даже в свой десятый по счёту день рождения, когда отец, скромный ленинградский учитель, подарил ему маленькую модель американского автомобиля. Сколько раз он начищал до блеска ту машинку, сколько безумных гонок воображал в дни своего недолгого детства, мечтая, что в один прекрасный день обзаведётся самым настоящим автомобилем. Ещё вспоминался ему тот приступ гордости, когда, несколько лет спустя, кружил он по Москве на своей блестящей новенькой Чайке¹. Те картины прошлого, казалось, вновь обретали жизнь, перекатываясь в потоке ласкающей память ностальгии.

Преисполнившись решительности, он окинул взглядом огромный прозрачный иллюминатор, внимательно осматривая вселенную. Переполненный чувствами, он вновь двинулся вперёд, и более четырёх часов плывал по голубым невидимым дорогам, пока окончательный перегрев генератора не погрузил все в тишину. Мало-помалу начало закрадываться странное чувство беспокойства, сочетаясь с плавным затиханием мелодии. Эта тишина, теперь уже как будто опустевшая, позволила заглянуть в себя, и вдруг он многое понял. Так вот оно что, это же от своих воспоминаний убегал он, от самой жизни своей, в которой он никогда ничего не решал сам. И кто его знает, если бы у него была возможность выбора, он тоже стал бы учителем или рыбаком, он, знаменитый Юрий Карниенков, герой космоса.

Но вот шемящая тоска овладела им, толкая его в мучительную бездну раскаяния. Он убил своего товарища, подорвал экспедицию, и, оставшись совсем один, тянул за вожжи неизведанный мир. Мучаясь угрызениями совести, незаметно для себя задремал было он, расслабляясь в сладких вспышках сна, но тут же им возобладало чувство реальности. Воздух начинал

¹ Роскошный автомобиль советского производства.

разрезаться, и холод неумолимо заполнял ракету. Инстинктивно включил он радио, и послышавшийся оттуда шум лишь подчеркнул его горькое ощущение одиночества. Потерянный, продолжал он всматриваться в космическое пространство, но вдруг совсем неожиданно пробившийся голос нарушил молчание.

«Мир вызывает ракету-носитель, Мир вызывает ракету-носитель ...» Русский ужаснулся.

«Командир!»

«Юрий», прокричал тот, не веря своим ушам. «Куда же ты запропастился, чёрт бы тебя побрал?»

«Думаю, что теперь это уже не столь важно...»

«Глупости, дай мне координаты.»

«Генератор перегорел. Я больше не располагаю никакой информацией.»

«Не важно: с земли, всё равно можно вычислить.»

«А зачем? Ведь прошло уже слишком много времени, и ни у кого нет никакой возможности за мной приехать.»

«Слушай...»

«Командир, я хотел сказать вам, что мне жаль Владимира. Я любил этого человека.»

«Да знаю, русский, сволочь ты этакая», вдруг услышал он по радио.

«Владимир!?» прокричал он охрипшим от волнения голосом. «Я думал, что ты умер.»

«Чуть было не умер...»

«Прости меня, не знаю, что такое на меня нашло. Меня накрыла странная какая-то слабость. Слышалась музыка, неотступный, притягательный зов...»

«Музыка?!»

«Клянусь вам, командир, как бы нелепым это не казалось, я отчётливо ее слышал.»

«К сожалению, на самом деле всё настолько прозаично, что ты даже и не представляешь.»

«Что вы хотите этим сказать?»

«Мне только что поступила информация, что смесь в твоём кислородном баке была подмешанной.»

«Что?!»

«Из бракованной партии. Это же недостаток воздуха тебе в голову ударил.»

«Россия матушка!»

«А сейчас слушай меня внимательно, Юрий: у нас осталось совсем немного времени.»

«Бросьте: я прекрасно знаю, что у меня нет никакой надежды...»

«Чепуха. В орбиту запустили *Shuttle*.»

«Американцы? Да ни за что за свете Агенство не даст разрешения на такое.»

«Над этим я и работаю...»

«Да если бы даже и так? Я всё ещё отдаляюсь.»

«Постарайся закрепить позицию.»

«Да как, чёрт побери, я это сделаю? Питания ведь уже нет.»

«Попробуй задействовать микромоторы маневрирования. Они же на автономном управлении.»

«У них слишком большая мощность, есть риск перескочить на другую орбиту.»

«Попробуй дезактивировать парочку. Используй любую возможность.»

«Хорошо, вот только как же быть с кислородом? Здесь начинает не хватать воздуха.»

«Надо вовлечь резервуары скафандра.»

«Ещё восемь часов жизни...»

«Это последняя карта, что остаётся в руках. Значит, надо ею пользоваться!» Юрий взглянул на радио, благословляя его маленькую урановую батарейку. Освещение в зонде становилось всё хуже, но в то же время эта металлическая коробочка продолжала мигать, точно маленькая рождественская ёлочка. Те

яркие огоньки, оптимизм командира, неожиданное возвращение к жизни Владимира так растрогало его, что по лицу сами собой покатались слёзы.

«Россия матушка!» крикнул он громким голосом и с новыми силами приподнял дверцу трюма, приводя в порядок кислородные резервуары. Он аккуратно надел на себя первый из них и отправился на поиски микроносителей. Торопливо открыв панели, он проследил глазами за перепутанными проводами километровой длины, и будто оазис посреди пустыни, появился небольшой блок, внутри которого терялись десятки цветных нитей. Он осторожно отсоединил несколько проводов, пару из них завязав узлом на концах, и решительным движением высвободил контрольный процессор. Но в этот момент лампочки вдруг выключились и кабина погрузилась в леденящую мрачную темноту.

Космонавт направился к водительскому креслу, руководствуясь только лишь мигающим светом радио. И в тот же миг в его мыслях появилась масса вопросов, мучая его, как комары кучера. А что если вектор не сработает, если он останется в космосе, если не хватит кислорода? Если, если, если, сколько вредных если крутилось в голове, беспощадно хлестая. Жестом руки он попытался отогнать их подальше и резко нажал на кнопку включения. Мощный удар сотряс ракету, и потом неожиданно всё затихло.

Он неуверенно выглянул в иллюминатор, различая там небольшую звезду. Мгновения становились бесконечными, но ни единый жест ни оживлял тогда его тела. Изумлённый, долго присматривался он к этому космическому объекту и вот наконец понял. Противоудар позволил закрепить позицию, и теперь он был недвижим, как застрявший в космосе поплавок. Оживленно размахивая руками, он бросился в сторону радио.

«Командир, мне удалось стабилизироваться», закричал он с дрожью в голосе. «Командир», продолжал он, напрасно ожидая

ответа. «Командир...» прошептало эхо, гулко раздаваясь в стенах корабля. Замершее в обманчивом постоянстве космоса, время тянулось как резина и утопало в нарастающем пессимизме. Вдруг он почувствовал, что теряет сознание, и инстинктивно открыл клапан резервуара. Воздух вновь начал заполнять лёгкие и, после двух глубоких вдохов, он вновь вернулся к ожиданию сигнала по радио.

«Я ошибался, осуждая этого человека», сказал он про себя. «Он самый лучший астронавт в мире», продолжал он, прокручивая в уме те последние, зловещие часы. «Отец, если ты где нибудь там, то помоги мне.» Ум перемалывал запутанный клубок мыслей, и это поддерживало его в трезвом и судорожном состоянии. Вздрыгнув, посмотрел он на часы: прошёл еще целый час. И вновь начал нервно вглядываться в бесконечность, потом взялся ещё раз за радио, но ничего, ничего, ничего, ничего кроме проклятой тишины. Куда же подевалась та чарующая музыка, те смелые позывы к бегству, тот распроклятое нашептывание недовольства? «Подлые ощущения, сбежавшие на самом пике своего триумфа» пробурчал он сам себе открывая навсю клапан резервуара. Его дыхание оставалось ровным еще на протяжении пяти часов, пока кислород снова не начал оскудевать.

Смирившись, он заменил резервуар и снова начал дышать. Тот свежий воздух, казалось, менял все перспективы. Теперь многие вещи, которым он никогда не придавал значения, становились невероятно ценными: воздух, время, да и сама ускользающая куда-то жизнь, за которую он отчаянно хватался из последних сил. Сердце отчаянно билось, наполняя ум бушующим потоком, да и что ему еще оставалось в том бесбрежном океане молчания? Опорожнение балона вырвало его из состояния оцепенения, возвращая в горькую реальность. «Проклятие, закончилось!» воскликнул он, безутешно взяв в руки последний кислородный бак. Повинуясь инстинкту, он замедлял дыхание, пытаясь тем самым выиграть время. Казалось, что время приостановилось,

повернулось и начало возвращаться назад по спирали. Он вновь увидел своего отца, как он вслух читал книгу, маленький домик на берегу реки, усталые неспешные шаги деда. Каждое мгновение прошлого всплывало в памяти, ностальгия переполняла душу.

Капли неудержимой радости оросили его сознание, вселяя мужество. Он должен был выдержать, не сдаваться, каждую минуту проглатывая по небольшой порции воздуха, и надеяться, продолжать неистово надеяться. Ему представился Ленинград с его снегом, что щедро окутывал его в ледяной зимней хватке. Температура в ракете безостановочно опускалась, и казалось, он теперь на самом деле касался мягкого, невещественного снега. Всеми силами пробовал он прогнать тоску, но вот, в момент слабости, снова посмотрел на часы. Последний час подходил к концу, а пальцы онемевали от холода. Отчаявшись, он выглянул в иллюминатор и лёгкая дымка показалась внутри шлема. Он машинально попробовал стереть ее, но тепло его дыхания сгущало её всё больше и больше. Теперь еще и ослепший, он обратил свой взгляд в прошлое. Безжалостные воды Невы² острыми шипами обжигали его тело, отчаянный крик матери, когда лёд вдруг проломился, и наконец невероятное чувство освобождения.

«Ты должен подумать о своём будущем», неожиданно прошептал отец.

«Но я не хочу поступать в Академию», недовольно ответил он.

«Это твоя единственная возможность стать инженером.»

«Но папа...» пробормотал он, стуча зубами от холода.

«Подумай хорошо, ты мог бы сделать карьеру в аэрокосмическом секторе.»

«Ты прекрасно знаешь, что я ненавижу военных.»

«Не говори глупостей. К тому же, мы с матерью уже всё решили.»

«Лейтенант Карниенков, вы избраны для осуществления вашей

первой экспедиции.» Затуманенным взглядом он воззрился на отца, которому никак не удавалось скрыть волнения.

«Сынок!» вмешалась вдруг мать, крепко обнимая его.

«Не переживай, мама. Этим же надо гордиться», сказал он, стоя у самого входа.

Обратный отсчет подходил к концу, и он обернулся, прощаясь с ней ещё раз, после чего поднялся на космический корабль, занимая отведённое место. Ракета начала вибрировать, в то время как голос медленно отсчитывал секунды. «Четыре, три, два, один...» Сильнейший рывок сотряс космический корабль и, в апофеозе гудков и ослепительного света, оторвался он от земли.

«Россия матушка!» воскликнул он, не веря своим глазам.

«*Hey fellow* (эй, товарищ)» донеслось со стороны едва различавшегося силуэта, «*is get along ok?* (всё в порядке?)» Юрий уловил это движение, и вслед за мгновением полной потерянности, он почувствовал, что уносится в пустоту. Американец пристегнул его к тросу, потихоньку подталкивая в *Shuttle*.

Отец растроганно посмотрел на него, в последний раз прощаясь.

перевод

Веры Захарченко

ТВзято из книги "Ночные рассказы" Фабио Лентини.
Авторское право 2002-2011 Фабио Лентини©. Все права защищены.
Для пользователей сети рассказы предоставлены только для чтения.

² Река, пересекающая Ленинград, нынешний Санкт-Петербург.